

ставить нѣкоторыя обязанности солдата впереди всѣхъ остальныхъ — это подчиненное положеніе солдата по отношенію къ его начальникамъ, которое налагаетъ на него особыя обязанности подчиненія и уваженія.

Съ другой стороны, жизнь солдата на дѣйствительной службѣ протекаетъ такъ, что ему рѣдко представляется случай выполнить какую нибудь изъ тѣхъ обязанностей, исполненіе которыхъ связано съ рискомъ для жизни или даже съ трудностями и лишеніями. Такъ, солдатъ долженъ жертвовать собою за Царя, за родину, за начальника, за своего товарища; но случаи исполненія этого долга представляются исключительно во время войны. Ясно, что о томъ, чтобы сдѣлать исполненіе этихъ обязанностей привычнымъ во время короткой дѣйствительной службы, не можетъ быть и рѣчи. Но за то съ другими обязанностями онъ встрѣчается на каждомъ шагу въ казарменной жизни и ихъ то исполненіе, дѣйствительно, можетъ быть доведено до навыка. Сюда относятся многія изъ личныхъ обязанностей, многія изъ обязанностей по отношенію къ начальникамъ, къ подчиненнымъ и къ равнымъ себѣ. Разъ солдатъ находится въ такихъ условіяхъ, что въ исполненіи однихъ обязанностей онъ можетъ дойти до навыка, а для исполненія другихъ можетъ и вовсе не представиться случая, то является вопросъ: выполнить ли онъ самую страшную изъ своихъ обязанностей—пойдетъ ли онъ на врага, навстрѣчу смерти? Существуетъ ли какая нибудь гарантія, что онъ выполнитъ ту обязанность, выполнять которую, хотя бы отчасти, онъ не имѣлъ раньше случая? На заданные вопросы нельзя отвѣтить иначе, какъ указавъ, съ одной стороны, на совѣсть солдата, а съ другой—только на неизмѣнное исполненіе всѣхъ тѣхъ обязанностей, съ которыми чаще онъ встрѣчался во время своей службы. Но заглянуть въ глубину совѣсти трудно, даже невозможно; на лицо остается, какъ гарантія, исполненіе только тѣхъ обязанностей, съ которыми солдатъ встрѣчался чаще всего на службѣ. Чѣмъ болѣе исполнительнымъ показалъ себя солдатъ въ обязанностяхъ, съ которыми приходилось сталкиваться ежедневно, тѣмъ болѣе можно рассчитывать, что онъ выполнитъ и остальные свои обязанности во время войны и боя. Въ казарменной жизни солдатъ чаще всего встрѣчается, какъ было уже сказано, съ обязанностями по отношенію къ самому себѣ, къ подчиненнымъ и равнымъ себѣ, а въ особенности съ обязанностями къ начальникамъ, т. е. съ подчиненіемъ и уваженіемъ.

Вотъ почему послѣднія обязанности справедливо считались во всѣ времена за основу *военной дисциплины*, за пробный камень способности солдата выполнить также и тѣ обязанности, которыя связаны съ опасностью для жизни.

Обязанности по отношенію къ другимъ.

Такъ какъ обязанности солдата по отношенію къ самому себѣ большей частью являются слѣдствіемъ его обязанностей по отношенію къ *другимъ* (въ особенности къ отечеству), то, при изученіи обязанностей солдата, начнемъ съ послѣднихъ.

Сюда относятся: обязанности по отношенію *къ людямъ вообще, къ товарищамъ и равнымъ себѣ*, обязанности по отношенію *къ начальникамъ и подчиненнымъ*, обязанности по отношенію *къ Царю и отечеству*, обязанности по отношенію *къ населенію своей страны* и обязанности по отношенію *къ непріятелю и къ населенію непріятельской страны*.

Обязанности по отношенію къ людямъ вообще.

Человѣкъ—*существо общественное*; его первая общественная обязанность—жить въ обществѣ. Обязанности человѣка къ людямъ вообще независимо отъ того, соотечественники ли они ему; родственники, пріятели, или нѣтъ, выражаются двумя словами: справедливость и милосердіе.

Справедливость, разсматриваемая, какъ первая общественная добродѣтель, можетъ быть опредѣлена такъ: *полное воздержаніе отъ нанесенія ущерба другимъ и воздаяніе каждому всего того, что ему полагается*. Справедливость—это основа общественнаго порядка, ядро всякаго образованнаго общества: когда всѣ члены общества проникнуты справедливостью, то послѣдняя обезпечиваетъ права каждаго и это дѣлаетъ совмѣстную жизнь возможной.

Человѣкъ имѣетъ столько обязанностей, налагаемыхъ справедливостью, сколько у него имѣется реальныхъ правъ, силъ или способностей, прирожденныхъ или пріобрѣтенныхъ, достойныхъ уваженія.

Обязанность относительно жизни другихъ людей. Обязанность эта заставляеть насъ не посягать на жизнь другихъ людей.

Нарушеніе этой обязанности называется *человѣкоубійствомъ*; но отсюда слѣдуетъ исключить случай *законной защиты*, такъ какъ никто не можетъ запретить намъ защищаться и даже убить того, кто посягаетъ на нашу жизнь.

На убійство во время войны и въ бою, разъ оно происходитъ при условіяхъ, опредѣленныхъ международнымъ правомъ, смотрятъ, какъ на случай законной защиты.

Та же самая обязанность воспрещаетъ *истязаніе людей* въ какой бы то ни было формѣ; истязаніе есть не что иное, какъ сознательное причиненіе физическихъ страданій, разрушающихъ организмъ челоуѣка, и, слѣдовательно, составляетъ посягательство на его жизнь.

Обязанности относительно частныхъ и государственныхъ имуществаъ. Челоуѣкъ не могъ бы сдѣлать свою жизнь сколько нибудь сносною и пріятною, если бы онъ не обладалъ извѣстнымъ количествомъ матеріальныхъ вещей, которыя называются внѣшними благами. Законное право на эти блага называется правомъ собственности. Право собственности зиждется на общественной пользѣ и на личномъ трудѣ. Съ одной стороны, общество не можетъ существовать безъ извѣстнаго порядка, опредѣляющаго кому что принадлежить, а съ другой—справедливость требуетъ, чтобы каждому принадлежало то, что онъ приобрѣлъ личнымъ трудомъ. А такъ какъ собственность основывается на правѣ, то наша обязанность—не посягать на это право. Когда же такимъ посягательствомъ отнимается какимъ бы то ни было способомъ чужое добро, говорятъ, что происходитъ кража. Кража, какъ безчестный и отвратительный поступокъ, абсолютно запрещается нравственнымъ закономъ, подъ какимъ бы именемъ она ни скрывалась (обманъ, незаконныя спекуляціи, незаплоченный долгъ и пр.).

Много казенныхъ вещей, нужныхъ арміи, ввѣряется офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Послѣднимъ вмѣняется въ обязанность, во имя справедливости, не присваивать ихъ себѣ и вообще не злоупотреблять *какимъ бы то ни было способомъ* ввѣренными имъ по службѣ казенными деньгами и вещами. А на тѣхъ начальниковъ, которые рѣшаютъ денежные вопросы по снабженію войскъ пищею, одеждою, обувью и боевыми припасами, налагается, во имя справедливости, обязанность—имѣть въ виду интересы казны.

Разъ это такъ, то каждое злоупотребленіе ввѣренными по службѣ *казенными деньгами и вещами*, эксплуатированіе ввѣренныхъ казенныхъ средствъ въ свою личную пользу, злоупотребле-

ніе властью и служебнымъ положеніемъ для достиженія личныхъ и корыстолюбивыхъ цѣлей, продажа совѣсти, взяточничество, носящее ущербъ казнѣ приѣмкой негодныхъ матеріаловъ или искусственнымъ подъемомъ цѣнъ послѣднихъ, — все это составляетъ кражу, кражу гнусную, безпримѣрную по тому пагубному вліянію, которое она оказываетъ на нравы военной среды. Если же подобныя кражи въ военной средѣ остаются ненаказанными, потому что онѣ покровительствуются высокимъ чиномъ, престижемъ, или положеніемъ, такъ что преступники даже позволяютъ себѣ гордо насмѣхаться надъ наивными идеалистами, кража становится ужасной заразой, быстро передающейся другимъ. Въ такомъ случаѣ она топчетъ въ грязь всѣ военные добродѣтели, разрушаетъ дисциплину и подготавливаетъ будущія катастрофы и гибель государства. Вору, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда безчестенъ; онъ стремится къ матеріальнымъ благамъ, а не къ чести; безчестный начальникъ не можетъ быть примѣромъ въ глазахъ своихъ подчиненныхъ—онъ не достоинъ уваженія, довѣрія и любви, а безъ нихъ нельзя рассчитывать на побѣду на полѣ брани. Вотъ почему *священный долгъ каждаго начальника* преслѣдовать строго и немилосердно воровство, *въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, какимъ бы чиномъ или престижемъ оно ни покровительствовалося*; этого требуетъ нравственное здоровье его части.

Слѣдуетъ желать полного изобличенія и опозоренія вора, такъ какъ это благотворно подѣйствуетъ на всѣхъ остальныхъ.

Болгарскій военно-карагательный законъ предусматриваетъ въ слѣдующихъ случаяхъ наказанія за кражу: во главѣ 8-й—за преступленія по завѣдыванію вѣренными по службѣ казеннымъ имуществомъ и за небрежное его храненіе; въ главѣ 9-й—за нарушеніе установленнаго порядка при исполненіи обязанностей и въ веденіи дѣлъ; въ главѣ 10-й—за преступленія по доставкѣ предметовъ довольствія, по постройкѣ казенныхъ зданій и другихъ сооруженій и по военно-санитарной части: а въ ст. 188 главы 6-й—за задержаніе съ корыстной цѣлью довольствія, назначеннаго войскамъ, и пр.

Обязанности относительно чести другихъ. Честь и репутація (хорошее имя) составляютъ драгоценную собственность, которую каждый человекъ старается сохранить нетронутой. На это достояніе человека, хотя и не матеріальное, какъ нравственный, такъ и гражданскій, законы воспрещаютъ посягать. Главнѣйшія формы посягательства: клевета, диффамация, злословіе и поруганіе.

Клевета есть обвиненіе, авторъ котораго знаетъ, что оно не-вѣрно; это намѣренная ложь, которой задѣвается чужая честь. Клеветникъ самъ нарушаетъ прежде всего свою обязанность говорить правду, а затѣмъ нарушаетъ вышеуказанный законъ, воспреещающій посягать на чужую честь. Бываетъ клевета хуже кражи, тяжелѣе челоуѣкоубійства.

Диффамация (оскверненіе чести) разнится отъ клеветы тѣмъ, что послѣдняя всегда содержитъ ложь, тогда какъ при диффамации могутъ разглашаться и дѣйствительные факты. Диффаматоръ тотъ, который оскверняетъ хорошее имя другихъ, разглашая ошибки, которыя они можетъ быть совершили, а можетъ быть и нѣтъ; но если диффаматоръ знаетъ, что онъ разглашаетъ ложь, онъ уже становится клеветникомъ.

Злословіе есть форма диффамации, когда послѣдняя совершена не публично, а въ интимномъ разговорѣ, въ которомъ критикуются недостатки другихъ. Злословіе предосудительно, потому что несправедливо говорить то или другое за спиною людей, а особенно распускать разныя выдумки, преувеличивающія недостатки или ошибки другихъ. Вообще челоуѣкъ не имѣетъ права отнимать ни малѣйшей частицы отъ репутаціи себѣ подобныхъ.

Когда же говорятъ кому нибудь въ лицо оскорбительныя и грубыя слова, которыхъ онъ не заслуживаетъ, то произносятъ ругань, что также запрещается нравственнымъ закономъ.

Итакъ челоуѣкъ долженъ уважать честь и доброе имя другихъ людей, а потому въ сношеніяхъ съ ними онъ долженъ быть *блау-склопенъ и въжливъ*; этимъ избѣгаются во многихъ случаяхъ пререканія, обиды и оскверненіе чести.

Другіе виды несправедливости. Челоуѣкъ можетъ задѣть права другихъ людей, нанося такъ или иначе *ущербъ ихъ интересамъ, препятствую ихъ успѣхамъ или оскорбляя ихъ чувства.*

Несправедливость является еще подъ видомъ *доноса и зависти.*

Доносъ возникаетъ изъ низкихъ побужденій; онъ имѣетъ цѣлью навредить кому нибудь или погубить его.

Зависть есть внутренняя несправедливость, которая, хотя и не проявляется въ дѣйствіи, продолжаетъ существовать въ сердцѣ завистника. Завистникъ не крадетъ; онъ ничего не отнимаетъ у другихъ, но у него есть желаніе устранить то превосходство, которое съ горестью онъ замѣчаетъ у другихъ. Такое желаніе есть уже начало несправедливости, такъ какъ корни послѣдней кроются въ дурныхъ чувствахъ.

Наконецъ, отсутствіе признательности къ людямъ, которые своими заслугами и своими дѣлами пріобрѣли право на почитаніе, на уваженіе и даже на любовь—есть также несправедливость.

Милосердіе—есть добродѣтель еще болѣе высокая, чѣмъ справедливость. Оно опредѣляется, какъ *усиліе, которое человекъ долженъ проявлять для того, чтобы исправлять естественныя или общественныя несправедливости*. Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ главнѣйшій законъ милосердія: дѣлай добро другимъ. Не дѣлать зла людямъ—уже заслуга; но еще большая заслуга—дѣлать добро. А такъ какъ человекъ можетъ дѣлать добро другимъ только изъ любви къ нимъ, то поэтому милосердіе называется и любовью къ ближнему.

Одну изъ формъ милосердія составляетъ и раздача *милостыни* (помощь бѣднымъ), лишь бы она не поощряла къ лѣни. Частная и общественная *благотворительность* суть точно также формы милосердія. Человекъ долженъ подавать милостыню, проявлять частную благотворительность и участвовать въ общественной благотворительности *по своимъ средствамъ*, но всегда изъ любви и состраданія къ тѣмъ, на кого направлено его милосердіе.

Обязанности по отношенію къ товарищамъ и къ равнымъ себѣ.

Духовное единство арміи составляетъ ея силу; вотъ почему, все то, что ведетъ къ этому единству, заслуживаетъ вниманія. Согласно съ этимъ, желательно, чтобы солдатъ сближался духовно не только со своими начальниками и со своими подчиненными, но и съ *равными себѣ*.

Совмѣстная жизнь, одинаковые военные обычаи, перенесеніе однихъ и тѣхъ же тягостей, лишеній, опасностей, надеждъ и разочарованій создаютъ между солдатами извѣстную *духовную связь*, которая присуща каждому обществу; эта связь проявляется въ *товариществе и въ дружбѣ*.

Въ какомъ бы кругу ни развивалось товарищество, оно всегда полезно для духовнаго единства арміи и составляетъ долгъ солдата. Въ небольшомъ кругу роты (батареи, эскадрона) товарищество становится болѣе близкимъ и переходитъ въ дружбу, а послѣдняя порождаетъ взаимное уваженіе, любовь и услужливость. Когда товарищество проявляется въ кругу пѣлой части, напримеръ, въ полку, оно называется корпоративнымъ духомъ. Въ та-

кой формѣ товарищество легко можетъ быть осуществлено, такъ какъ каждая войсковая часть имѣетъ свое прошлое, которое объединяетъ въ одно цѣлое бывшихъ, настоящихъ и будущихъ членовъ этой части. Надо, однако, слѣдить, чтобы корпоративный духъ не принялъ невѣрнаго направленія—такого направленія, при которомъ на другія войсковыя части смотрятъ съ предубѣжденіемъ и съ презрѣніемъ, умышленно умаляя ихъ достоинства. Въ такомъ случаѣ корпоративный духъ можетъ быть даже и вреднымъ, потому что настраиваетъ солдатъ одного полка противъ солдатъ другихъ полковъ (гвардейскихъ противъ армейскихъ) или одинъ родъ войскъ противъ другого. Товарищество, охватывающее еще болѣе широкій кругъ, охватывающее солдатъ цѣлой арміи, можетъ быть названо *военнымъ братствомъ*. Въ послѣднемъ своемъ видѣ товарищество есть духовная связь, объединяющая, какъ братьевъ, всѣхъ солдатъ, которые, независимо отъ того, гдѣ они находятся, къ какой части и роду войскъ принадлежатъ, для того, чтобы выполнить свое назначеніе, постоянно нуждаются во взаимодѣйствіи. Такъ какъ военное братство охватываетъ солдатъ всей арміи, солдатъ всѣхъ званій и чиновъ, то оно имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ корпоративный духъ, и даетъ арміи то духовное единство, которое ей необходимо. Военное братство поддерживается сознаніемъ чести и славы оружія, вѣрой въ величіе духа народа и заставляетъ всѣхъ военныхъ смотрѣть другъ на друга, какъ на своихъ братьевъ. Сказанное о солдатахъ вообще, относится въ частности и къ офицерамъ въ полкахъ и въ большихъ войсковыхъ соединеніяхъ, между которыми точно также должно развиваться искреннее товарищество, такъ какъ и они совмѣстно проходятъ службу и совмѣстно будутъ дѣйствовать въ бою.

Отсюда вытекаетъ рядъ обязанностей, которыя военное братство и вообще товарищество налагаетъ на солдата:

Солдатъ долженъ уважать и любить своихъ товарищей и братьевъ по оружію, независимо отъ того, личные ли они его друзья, его ли они роты (батареи и эскадрона) или другого полка, другой дивизіи, или другого рода войскъ.

Солдаты должны помогать другъ другу какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Такъ какъ успѣхъ въ бояхъ можетъ быть достигнутъ только при совмѣстныхъ дружныхъ усиліяхъ, ясно, какую высокую добродѣтель составляетъ исполненіе этой обязанности солдата. Послѣдняя приобрѣтаетъ особую цѣнность въ тяжкія минуты боя. Эта взаимность должна выражаться не только въ той

помощи, которую каждый солдат лично может оказать другому, но и во взаимной поддержкѣ между частями и родами войскъ. Тактическое правило—«идти на выстрѣлы» составляетъ примѣненіе въ бою этой же обязанности. Взаимная поддержка, которую должны оказывать военнослужащіе другъ другу въ силу этой обязанности, не имѣетъ границъ: если обстоятельства того потребуютъ, она должна дойти до самопожертвованія другъ за друга одной части за другую, одного рода войскъ за другіе. Слѣдствіемъ взаимной поддержки, оказываемой на дѣлѣ, является взаимное довѣріе, которое составляетъ существенный залогъ успѣха въ бою.

Обязанности по отношенію къ начальникамъ и подчиненнымъ. Для исполненія своего назначенія армія нуждается въ единой волѣ, которая бы направляла ея дѣйствія. Носителемъ этой воли является Главнокомандующій. Начальники, которые, по своему іерархическому положенію (согласно организациі арміи), находятся ближе къ нижнимъ чинамъ, служатъ проводниками верховной воли; черезъ нихъ эта воля доходитъ до послѣдняго рядового. Такимъ образомъ, *военная организациа* облегчаетъ управленіе какъ большими, такъ и малыми военными силами, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Кромѣ того, военная организациа даетъ начальникамъ *власть*— право наказывать своихъ подчиненныхъ. Организациа оказываетъ помощь еще и *тактика*, которая между прочимъ изслѣдуетъ порядки построенія войскъ и указываетъ въ какомъ строю удобнѣе управленіе массами въ зависимости отъ цѣли и условій дѣйствія. Но какъ іерархическая власть, такъ и тактическія построенія, суть *внѣшнія средства*, которыя только до нѣкоторой степени облегчаютъ задачу начальниковъ, состоящую въ томъ, чтобы управлять своими подчиненными, т. е. заставлять ихъ исполнять ихъ волю, а также и волю всѣхъ высшихъ начальниковъ, начиная съ Главнокомандующаго. При нормальныхъ условіяхъ средства эти могутъ быть достаточными; но во время войны и въ бою, особенно въ критическія минуты, они врядъ ли окажутся дѣйствительными. Самое страшное приказаніе, которое начальникъ можетъ дать своему подчиненному, это—послѣдовать за нимъ въ бой, а особенно вступить въ самую сѣчу—пойти навстрѣчу смерти. Къ исполненію подобнаго приказанія іерархическая власть является ничтожнымъ побудителемъ; нужно нѣчто другое, нѣчто гораздо болѣе могущественное, чѣмъ страхъ передъ дисциплинарной властью начальника. Средства, которыя могли двинуть солдата впередъ во время боя, всегда находились въ душѣ

солдата въ видѣ идей законности и долга по отношенію къ Царю, отечеству и начальникамъ. Но, помимо этихъ могучихъ идей, управление подчиненными массами требуетъ *отъ каждаго начальника*, чтобы онъ еще въ мирное время такъ подготовилъ себя и своихъ подчиненныхъ, чтобы управление было легко и возможно въ мирное и въ военное время. Послѣдняя задача можетъ быть достигнута, если между начальникомъ и его подчиненными разовьется и упрочится извѣстная духовная связь, которая обезпечивала бы управление подчиненными даже и въ самыя критическія минуты. Вотъ откуда вытекаютъ *обязанности подчиненнаго къ начальнику и обязанности начальника къ подчиненнымъ*.

Обязанности по отношенію къ начальнику, въ духѣ которыхъ долженъ воспитываться солдатъ: 1) подчиненіе, 2) уваженіе, 3) довѣріе и 4) любовь.

Обязанности по отношенію къ подчиненнымъ, которыми долженъ вдохновляться начальникъ, сводятся къ слѣдующимъ тремъ, положеніямъ: 1) быть справедливымъ, 2) заслужить уваженіе, довѣріе и любовь своихъ подчиненныхъ и 3) подавать личный примѣръ.

Лишь когда и начальникъ и его подчиненные будутъ проникнуты сознаніемъ взаимныхъ обязанностей, начальникъ получитъ неотразимую власть надъ ихъ духомъ, а слѣдовательно и полную возможность управлять ими и приводить въ исполненіе даже самыя страшныя приказанія.

Обязанности по отношенію къ начальникамъ.

Обязанности подчиненныхъ къ начальнику, какъ уже было сказано, суть: 1) подчиненіе, 2) уваженіе, 3) довѣріе и 4) любовь.

1) *Подчиненіе (послушаніе, исполненіе приказаній)*. Подчиненіе есть первая и главнѣйшая обязанность по отношенію къ начальнику. Оно имѣетъ двѣ стороны—внѣшнюю и внутреннюю. *Внѣшняя сторона* выражается тѣмъ, какъ приступаютъ къ исполненію и какъ происходитъ само исполненіе приказанія; а *внутренняя сторона*, которая недоступна глазу, проявляется въ участіи, которое принимаютъ въ самомъ исполненіи: разумъ, чувства и воля солдата.

Для того, чтобы подчиненіе было полезно для военнаго дѣла, оно должно обладать извѣстными необходимыми внутренними и внѣшними свойствами. Во внѣшнемъ отношеніи подчиненіе солдата должно проявляться *въ абсолютномъ (безъ противорѣчія и*

безъ колебанія) и точною исполненіи приказанія. Во внутреннемъ отношеніи подчиненіе должно быть *сознательнымъ*: солдатъ долженъ сознавать то добро, ради котораго начальнику потребно его подчиненіе, и *разумно*—приложить все свои умственные способности, чтобы выполнить данное ему приказаніе возможно лучше и цѣлесообразнѣе. Кромѣ того, подчиненіе должно быть и *энергичнымъ*, т. е. солдатъ долженъ вкладывать въ него сильную и непоколебимую волю.

Подчиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, не должно относиться лишь къ *приказаніямъ* начальника, но и къ *требованіямъ* долга, каковыя должны исполняться такъ же абсолютно, сознательно и энергично, какъ и первыя.

Подчиненіе требованіямъ начальника и требованіямъ долга, обладающее вышеуказанными внѣшними и внутренними свойствами, *важно* для военнаго дѣла: оно есть главнѣшій залогъ силы, а слѣдовательно и успѣха войскъ въ бою. Во время войны спасеніе чести отечества зависитъ, главнымъ образомъ, отъ этого подчиненія. На абсолютное подчиненіе приказаніямъ начальника надо смотрѣть не какъ на униженіе, а какъ на патріотическій долгъ, полный величія. Подчиненіе требуетъ большой силы души; оно не только не убиваетъ, а усиливаетъ характеръ, приучая его уважать и подчиняться закону, власти и долгу.

2) *Уваженіе (почтеніе, чиновочитаніе)*—есть такое *внутреннее* чувство подчиненнаго къ начальнику, которое зиждется на признаніи умственнаго и нравственнаго превосходства начальника. Безъ этой основы трудно создать уваженіе у подчиненнаго, сколько ни приказывай ему уважать своего начальника. Вотъ почему, съ точки зрѣнія чисто этической, нельзя было бы вмѣнять подчиненному въ обязанность уважать своего начальника, если послѣдній ничѣмъ не заслуживаетъ уваженія. Но съ точки зрѣнія практической желательно, чтобы солдатъ уважалъ своего начальника всегда и независимо отъ наличности дѣйствительнаго умственнаго и нравственнаго превосходства у него. Въ противномъ случаѣ, какое-нибудь неблагоприятное сужденіе о начальникѣ, легко могло бы увлечь солдата отъ скрытаго неуваженія къ явному пренебреженію и, наконецъ, и къ *неповиновенію*. Поэтому слѣдуетъ внушать солдатамъ, что каждый воинъ долженъ уважать своего начальника независимо отъ его болѣе или менѣе крупныхъ недостатковъ. Въ пользу начальника говорятъ всегда его возрастъ и его опытность, такъ что всегда найдется за что надо уважать

его, хотя бы въ такой мѣрѣ, какъ уважаютъ родителей и старшихъ даже въ томъ случаѣ, когда тѣ имѣютъ нѣкоторые недостатки. Если солдатъ не уважаетъ своего начальника, онъ можетъ впасть въ неповиновеніе и понести за это большое наказаніе.

Уваженіе имѣетъ свою внѣшнюю сторону, которая выражается узаконенными въ войскахъ правилами отданія чести и правилами вѣжливости младшихъ по отношенію къ старшимъ и къ начальникамъ въ различныхъ случаяхъ. Эти узаконенныя правила обращенія съ начальниками и старшими составляютъ *военный этикетъ*. Посредствомъ его выражается съ внѣшней стороны зависимость и уваженіе къ чину и положенію, которое начальникъ занимаетъ. Нельзя отрицать, что военный этикетъ, какъ и всякій другой, постепенно можетъ свестись въ своемъ исполненіи къ простой формальности. При всемъ томъ слѣдованіе военному этикету совершенно необходимо; достаточно, что онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ напоминать подчиненному, что тотъ, кому отдается честь—его начальникъ или старшій, хотя бы это напоминаніе и не сопровождалось какимъ-нибудь особеннымъ чувствомъ уваженія къ нему.

За нарушеніе вышеупомянутыхъ обязанностей—подчиненія и уваженія, болгарскій военный карательный законъ предусматриваетъ очень строгія наказанія въ отдѣлѣ 2-мъ, главы I-й (ст. ст. 119, 133 и 126). Размѣръ и степень наказанія увеличиваются, если преступленіе совершено, когда начальникъ находится при исполненіи служебныхъ обязанностей или въ строю, а самое строгое наказаніе предусмотрено для военного времени. Глава II-я того же закона (ст. ст. 134—140) предусматриваетъ наказанія за преступленія (въ смыслѣ неподчиненія и неуваженія) противъ дежурныхъ и другихъ должностныхъ лицъ и противъ караула.

3) *Довѣріе къ начальнику*. Довѣріе подчиненнаго къ своему начальнику всегда необходимо, но особенно во время войны. Если же это чувство не развито въ арміи до самой высокой степени, то она навѣрное будетъ побита, каковы бы ни были ея численность и храбрость ея отдѣльныхъ солдатъ. И дѣйствительно, послѣдніе, не имѣя довѣрія къ своимъ начальникамъ, будутъ колебаться жертвовать собою въ нужный моментъ, такъ какъ будутъ смотрѣть на самихъ себя, какъ на бесполезныхъ и безцѣльныхъ жертвъ незнанія и ошибокъ своихъ начальниковъ; такимъ образомъ, разъ войска идутъ въ бой съ недоувѣріемъ къ своему начальнику, они уже несутъ пораженіе въ своихъ сердцахъ.

Довѣріе и уваженіе могутъ заслужить, главнымъ образомъ, тѣ начальники, которые доказали, что умѣютъ управлять своими под-

чиненными, т. е. начальники съ характеромъ и сознаниемъ своего авторитета. Но каковы бы ни были способности начальниковъ, *солдатъ долженъ имѣть абсолютное къ нимъ довѣріе*. Въ большинствѣ случаевъ онъ стоитъ далеко отъ своихъ начальниковъ и не имѣетъ возможности оцѣнить ихъ; чаще всего онъ и не въ состояніи бываетъ произвести вѣрную оцѣнку. А разъ это такъ, подчиненному не остается ничего другого, какъ положиться на опытность, знаніе и способность высшихъ начальниковъ, которые руководятъ военными дѣйствіями. Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть польза для дѣла, если подчиненные не воодушевляются довѣріемъ къ своему начальнику? Никакой, кромѣ увеличенія шансовъ пораженія. Наоборотъ, довѣріе къ начальнику придаетъ подчиненнымъ силу исполнить распоряженія и приказанія начальника съ большей энергіей, а энергичными дѣйствіями все же можно выиграть что нибудь и при самыхъ неблагопріятныхъ распоряженіяхъ начальника.

Любовь къ начальнику. Подчиненіе, уваженіе и вѣра въ начальника представляютъ важную связь между нимъ и подчиненными; но эта связь становится еще могущественнѣе, когда сопровождается *любовью* къ начальнику. Если солдатъ исполняетъ свои обязанности только потому, что приказано, онъ уже способенъ на большія дѣла; но лишь тотъ, кто ихъ исполняетъ изъ любви къ своему начальнику, способенъ на такія жертвы, которыя свойственны только героямъ и которыя всегда обезпечивали успѣхъ войскъ. Великіе полководцы одерживали побѣды не только своимъ геніемъ, но и той любовью, которую они искусно умѣли поддерживать въ сердцахъ своихъ солдатъ.

Подчиненные должны любить своего начальника такъ, какъ дѣти любятъ своего отца. Взысканія, которыя иногда налагаетъ на нихъ начальникъ, налагаются для пользы службы, почему не могутъ быть причиной нелюбви къ начальнику—также, какъ дѣти не могутъ не любить своего отца, который ихъ наказываетъ для ихъ же пользы.

Любовь, довѣріе и уваженіе создаютъ прочную привязанность къ начальнику въ душѣ подчиненнаго, которая дѣлаетъ его неизмѣнно *вѣрнымъ, послушнымъ и преданнымъ* волѣ начальника, готовымъ перенести всѣ лишенія и пожертвовать собою за него.

Обязанности по отношенію къ подчиненнымъ.

Обязанности начальника, исполненіе которыхъ обезпечиваетъ духовную связь между нимъ и его подчиненными, а также правильное развитіе (физическое, умственное и нравственное) его подчиненныхъ и управление ввѣренной ему частью, сводятся, какъ было уже сказано, къ слѣдующимъ тремъ обязанностямъ: 1) *быть справедливымъ*; 2) *заслужить уваженіе, довѣріе и любовь своихъ подчиненныхъ* и 3) *подавать личный примѣръ*.

1. *Начальникъ обязанъ быть справедливымъ къ своимъ подчиненнымъ*. Было уже сказано, что всѣ люди должны быть справедливы. И если здѣсь повторяется опять эта общая обязанность, то лишь потому, что она имѣетъ особенно важное, основное значеніе въ отношеніяхъ начальника къ подчиненнымъ. На справедливости зиждется прочность всякаго общественнаго организма, а слѣдовательно и военнаго. Такъ какъ армія имѣетъ исключительное назначеніе, какого не имѣетъ ни одинъ другой общественный организмъ—назначеніе воевать, то ясно, что необходимость повелѣвать налагаетъ на начальниковъ ея обязанность быть справедливымъ къ своимъ подчиненнымъ.

Изъ этой главной обязанности начальника вытекаютъ, какъ *слѣдствія*, другія обязанности:

а) *Начальникъ обязанъ одинаково прилагать законы ко всемъ своимъ подчиненнымъ и развивать въ нихъ чувство законности*.

б) *За всякое нарушеніе обязанностей, за всякую допущенную ошибку начальникъ долженъ взыскивать или, самое меньшее, не оставлять эти нарушенія и ошибки незамѣченными и неуказанными*. И наоборотъ, за каждое точное и добросовѣстное исполненіе служебныхъ обязанностей, за отличные успѣхи въ обученіи и за каждый подвигъ подчиненнаго въ мирное и военное время, начальникъ долженъ его награждать. Кромѣ того, справедливость требуетъ соразмѣрности между налагаемыми взысканіями и проступками, а также между наградами и совершенными подвигами, достигнутыми успѣхами и т. д.

Въ извѣстныхъ случаяхъ начальникъ долженъ быть и строгъ; но его строгость должна быть справедливой, идти на пользу подчиненнымъ и службѣ. Такая строгость никогда не озлобляетъ и не отталкиваетъ подчиненныхъ, а наоборотъ—еще болѣе ихъ привязываетъ.

в) *Начальникъ долженъ справедливо распредѣлять своихъ подчиненныхъ по должностямъ, т. е. назначать каждого соотвѣт-*

ственно его способностямъ, безъ вліянія побочныхъ эгоистическихъ или низкихъ соображеній. А для того, чтобы выполнить эту обязанность, онъ долженъ изучить своихъ подчиненныхъ индивидуально, т. е. изучить ихъ способности и характеръ.

г) *Начальникъ долженъ уважать человеческое достоинство своихъ подчиненныхъ.* Ничто такъ не огорчаетъ и не возмущаетъ подчиненныхъ противъ начальника, какъ тѣ униженія, которыя имъ приходится переносить въ присутствіи ихъ товарищей. Всякое взысканіе, наложенное не по закону, и всякое дѣйствіе или обращеніе, оскорбительное для подчиненнаго, предосудительно и запрещены. Начальникъ долженъ сдерживать себя, особенно при исполненіи служебныхъ обязанностей, отъ гнѣва, раздраженія и другихъ слабостей, которыя, помрачая ясность его ума, толкаютъ на недостойные его авторитета и оскорбительные для его подчиненныхъ поступки. Подчиненнымъ надо дѣлать замѣчанія съ тактомъ, продиктованнымъ духомъ справедливости; подчиненнаго можно побранить, но не ругать, не оскорблять и не преслѣдовать.

Ст. 183 и 184 болгарскаго военно-карательнаго закона предусматриваютъ наказанія за оскорбленіе начальникомъ своего подчиненнаго, за нанесеніе ему удара и за побой; а примѣчаніе 2 къ ст. 27 дисциплинарнаго устава запрещаетъ начальникамъ выговоры подчиненнымъ офицерамъ передъ фронтомъ и вообще въ присутствіи нижнихъ чиновъ.

д) *Начальникъ долженъ принять на себя и нести ответственность за послѣдствія исполненія его приказаній.* Этого требуетъ справедливость. Поэтому во всѣхъ дисциплинарныхъ уставахъ на первомъ мѣстѣ стоитъ, что *подчиненный не отвѣчаетъ за послѣдствія*, когда онъ исполняетъ приказанія своего начальника, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда приказаніе направлено противъ вѣрности присягѣ, когда приказаніе явно преступно или же, когда подчиненный превысилъ приказаніе начальника.

Если послѣдствія хороши, начальникъ вправѣ гордиться ими. Если же послѣдствія дурны, начальникъ по праву долженъ понести всю отвѣтственность или часть ея, въ зависимости отъ условій.

Стремленіе начальника, посредствомъ двусмысленныхъ и неясныхъ приказаній, избѣгать отвѣтственности, стремленіе «омыть руки» и сбросить съ себя отвѣтственность на своихъ подчиненныхъ, когда очевидно, что самъ начальникъ одинъ или совмѣстно съ подчиненными долженъ понести отвѣтственность—недостойно начальника и тѣмъ недостойнѣе, чѣмъ выше его положеніе.

Но этого мало, подобное поведеніе начальника убиваетъ вѣру въ него и разрушаетъ основу важнѣйшей обязанности подчиненнаго по отношенію къ нему, обязанности исполненія его приказаній. Подчиненному легче исполнить эту свою обязанность, когда онъ сознаетъ, что ему самому не придется нести отвѣтственности за послѣдствія, когда онъ сознаетъ, что ни одинъ волосъ на его головѣ не пострадаетъ отъ точнаго выполненія даннаго ему приказанія. Вотъ почему, если, съ одной стороны, подчиненному вмѣняется въ обязанность безпрекословно исполнять приказанія своего начальника, надо, съ другой стороны, чтобы каждый начальникъ былъ всегда готовъ принять на себя всѣ послѣдствія, каковы бы они ни были, отъ исполненія его приказанія.

2. *Начальникъ обязанъ заслужить уваженіе, довѣріе и любовь своихъ подчиненныхъ.* Когда шла рѣчь объ обязанностяхъ подчиненныхъ, говорилось о томъ, какъ важны чувства уваженія, довѣрія и любви солдата къ начальнику. Тамъ же было сказано, что, какъ бы эти чувства ни были обязательны для подчиненнаго, они не могутъ развиваться въ немъ до тѣхъ поръ, пока начальникъ своимъ поведеніемъ и своими поступками постепенно не вселитъ въ душу своихъ подчиненныхъ благопріятныхъ и полезныхъ для него сужденій и чувствъ.

Первое чувство, которое начальникъ долженъ вызвать къ себѣ у подчиненнаго, есть уваженіе. Съ внѣшней стороны, какъ уже намъ извѣстно, уваженіе состоитъ въ соблюденіи военнаго этикета. Формы этикета могутъ быть усвоены солдатомъ посредствомъ упражненія. Но внутренняя сторона, сущность этого нравственнаго чувства, не можетъ быть привита солдату посредствомъ подобныхъ упражненій, такъ какъ она основывается, съ одной стороны, на дѣйствительномъ умственномъ превосходствѣ начальника, а съ другой—на собственномъ убѣжденіи подчиненнаго и на его навыкѣ подчиняться этому начальнику.

Нельзя заставить человѣка силою повѣрить въ то, въ чемъ его не убѣдили; вѣра опирается на естественныя внѣшнія причины или факты, необходимымъ слѣдствіемъ которыхъ является убѣжденіе; по той же причинѣ нельзя уважать произвольно того или другого. Личность, которая становится предметомъ нашего уваженія, должна блеснуть передъ нашими глазами проявленіемъ качествъ, достойныхъ уваженія. Такимъ только образомъ можно плѣнить подчиненнаго и заставить его добровольно глубоко и свято уважать своего начальника. Разъ превосходство извѣстной лич-

ности въ какомъ нибудь отношеніи сдѣлается для насъ очевиднымъ, мы не можемъ не признать его. Вообще все дѣло въ начальникѣ: отъ него зависитъ, будетъ онъ или нѣтъ уважаемъ своими подчиненными. Онъ не заслужитъ уваженія, если не обладаетъ необходимымъ превосходствомъ; если у него дѣйствительно есть качества, достойныя уваженія, онъ даже помимо своего желанія будетъ предметомъ уваженія среди своихъ подчиненныхъ; послѣдніе будутъ уважать его не потому, что такъ требуется, а потому, что находятъ его достойнымъ уваженія. Итакъ, для развитія чувства уваженія къ начальнику, рѣшительное значеніе имѣетъ его личность — его педагогическій тактъ и твердое знаніе дѣла, которое онъ ведетъ.

Довѣріе есть спутникъ уваженія; все то, что вызываетъ уваженіе у подчиненныхъ, вызываетъ и ихъ довѣріе къ начальнику и вѣру въ него; такъ что и довѣріе, также, какъ уваженіе, можетъ заслужить вполне лишь тотъ начальникъ, который обладаетъ дѣйствительными достоинствами и обнаруживаетъ дѣйствительное превосходство, т. е. тотъ, кто обладаетъ знаніемъ, характеромъ, энергіей въ своихъ дѣйствіяхъ и умѣніемъ управлять своей частью во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Разъ начальникъ заслужилъ уваженіе и довѣріе своихъ подчиненныхъ, въ душѣ послѣднихъ уже заложено основаніе и любви къ нему. А когда подчиненный любитъ своего начальника, онъ испытываетъ удовольствіе при исполненіи его приказаній.

Когда начальнику удалось привязать къ себѣ своихъ подчиненныхъ цѣпами любви, дальнѣйшимъ естественнымъ слѣдствіемъ послѣдней является полная ихъ преданность.

Уваженіе, довѣріе и любовь подчиненнаго можно заслужить скорѣе, если самъ начальникъ доброжелателенъ къ нимъ и на дѣлѣ докажетъ, что заботится объ ихъ здоровьѣ и успѣхахъ. Для этого:

а) *Начальникъ долженъ уважать* своихъ подчиненныхъ и *доверять* имъ. Уваженіе по отношенію къ подчиненнымъ выражается въ томъ, что начальникъ считается съ ихъ человѣческимъ достоинствомъ, признаетъ у каждаго засвидѣтельствованныя имъ на дѣлѣ достоинства и каждаго награждаетъ по заслугамъ; всего этого требуетъ справедливость; кромѣ того, за уваженіе платятъ уваженіемъ.

Точно также слѣдуетъ *обнаруживать довѣріе къ подчиненнымъ* для того, чтобы вызвать его и съ ихъ стороны; довѣріе возбуждается довѣріемъ. Излишняя подозрительность не полезна для службы;

достаточно, если начальник имѣть постоянный надзоръ за тѣмъ, чтобы подчиненные не злоупотребляли его довѣріемъ.

б) *Начальникъ долженъ любить* своихъ подчиненныхъ. Любить ближнихъ обязываетъ насъ милосердіе. Эту божественную обязанность больше всего долженъ исполнять начальникъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Прежде всего, подчиненные, входя въ составъ общей семьи, главой которой является начальникъ, уже перестаютъ быть для него чужими и безразличными. Ихъ здоровье, ихъ развитіе, ихъ благо должны сдѣлаться близкими для начальника. Съ другой стороны, подчиненные нуждаются въ отеческихъ заботахъ и ласкахъ; поэтому, для того, чтобы подчиненные могли смотрѣть на начальника, какъ на отца, послѣдній долженъ согрѣть ихъ сердца теплой отеческой любовью. Наконецъ, какимъ начальникомъ можетъ быть тотъ, кто не любитъ тѣхъ, кому онъ, когда придетъ для того время, прикажетъ идти на встрѣчу смерти? Входя въ нужды своихъ подчиненныхъ, заступаясь за нихъ и помогая имъ, начальникъ на дѣлѣ показываетъ, что любитъ ихъ; а за любовь платятъ любовью же или, въ крайнемъ случаѣ, признательностью. Начальникъ долженъ любить своихъ подчиненныхъ для того, чтобы и они его любили.

в) *Начальникъ долженъ заботиться о здоровьѣ* своихъ подчиненныхъ. Эта обязанность заставляетъ заботиться: о пищѣ, одеждѣ, обуви, чистотѣ тѣла и о гигиеническомъ содержаніи спальныхъ помѣщеній нижнихъ чиновъ—*во всякое время и въ всякихъ обстоятельствахъ* (казармы, квартиры, на бивакѣ, въ походѣ и пр.). Въ силу той же обязанности, начальникъ долженъ принимать *меры предупрежденія* противъ всевозможныхъ вредныхъ вліяній на здоровье его подчиненныхъ, помня, что предупрежденіе важнѣе лѣченія. Точно также онъ долженъ интересоваться положеніемъ *больныхъ* и навѣщать ихъ, гдѣ бы они ни находились. Посѣщенный больной убѣждается, что онъ не потерялъ и о немъ не забыли, что о немъ думаетъ и по отечески заботится его начальникъ. Это дѣйствуетъ успокоительно на больного и внушаетъ ему къ начальнику чувство уваженія и любви. Начальникъ можетъ вызвать тѣ же самыя глубокія чувства у своего подчиненнаго, если на дѣлѣ докажетъ, что заботится объ его здоровьѣ.

г) *Начальникъ долженъ заботиться объ умственномъ и нравственномъ развитіи* своихъ подчиненныхъ. Это развитіе достигается *обученіемъ и воспитаніемъ*. Посредствомъ того и другого подчиненный готовится къ той дѣятельности, которая ему пред-

стоять во время боя; въ немъ развиваются всѣ нравственныя чувства, которыя ему необходимы, какъ бойцу. Въ это дѣло начальникъ долженъ вложить все свое знаніе, умѣніе и усердіе для того, чтобы получить, во что бы то ни стало, положительные результаты, иначе начальникъ не могъ бы со спокойной совѣстью сказать, что онъ выполнилъ свою важнѣйшую служебную обязанность по отношенію къ подчиненнымъ (офицерамъ или нижнимъ чинамъ). Боевая способность подчиненныхъ будетъ зависѣть отъ того, насколько начальникъ подготовилъ ихъ умственно (посредствомъ обученія) и нравственно (посредствомъ воспитанія) къ ихъ дѣятельности въ бою.

Во время обученія подчиненный знакомится съ приемами начальника, съ его умѣніемъ обучать своихъ подчиненныхъ, управлять и командовать ими въ разныхъ случаяхъ. Хорошіе результаты обученія, которые свидѣтельствуютъ объ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ начальника, вселяютъ довѣріе и всеобщее уваженіе къ нему. Вообще подчиненные, сознавая тотъ умственный и нравственный успѣхъ, который достигнутъ благодаря усиліямъ ихъ начальника, и увидѣвъ, какъ онъ заботится объ ихъ здоровьѣ, проникаются уваженіемъ, довѣріемъ и любовью къ нему.

Въ духѣ той же обязанности *высшіе начальники* должны въ мирное время *принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы подготовить изъ молодыхъ офицеровъ достойныхъ будущиxъ начальниковъ, поддерживать и облегчать распространеніе военного образованія и военного духа въ средѣ офицерства*, не забывая, что организмъ, которымъ они управляютъ можетъ держаться и быть боеспособнымъ лишь при томъ условіи, если въ его средѣ знаніе и нравственное развитіе будутъ стоять на высокомъ уровнѣ; каждое нарушеніе ими этой важной обязанности или пренебреженіе ею можетъ имѣть гибельныя послѣдствія для арміи, а также и для государства.

3. *Начальникъ долженъ подавать личный примѣръ своимъ подчиненнымъ.* Воспитаніе подчиненныхъ въ духѣ ихъ обязанностей имѣетъ цѣлью исполненіе этихъ самыхъ обязанностей, ибо, какъ было ранѣе сказано, мало сознавать свои обязанности, надо исполнять ихъ; безъ послѣдняго нѣтъ мѣста дисциплинѣ. Самое дѣйствительное средство начальника заставить подчиненнаго исполнять свои обязанности это личный примѣръ. Извѣстно, что въ об-

ласти обученія примѣръ требуется самымъ методомъ обученія. Если примѣръ полезень при обученіи, то онъ является необходимымъ въ области нравственнаго воспитанія. Примѣромъ удастся освѣтить и сдѣлать понятными для солдата всѣ отвлеченныя идеи; на примѣрѣ онъ учится тому, что долженъ дѣлать; примѣръ убѣждаетъ и увлекаетъ его.

Каждый начальникъ имѣетъ по отношенію къ высшимъ себя начальникамъ тѣ же обязанности, какія имѣютъ его подчиненные по отношенію къ нему самому; онъ долженъ своимъ личнымъ примѣромъ доказать имъ, что никто, а слѣдовательно и самъ онъ, не стоитъ выше обязанностей, которыя одинаково лежатъ какъ на немъ, такъ и на нихъ. Уваженіе къ начальникамъ и старшимъ, подчиненіе, справедливость, добросовѣстное исполненіе обязанностей, привычка смѣло брать на себя отвѣтственность, мужество и пр., вообще все, что относится къ военно-нравственному поведенію, входитъ въ плоть и кровь солдата лишь тогда, когда онъ увидитъ все это на живыхъ примѣрахъ у своего начальника. Личный примѣръ представляетъ тотъ непрерывный импульсъ, подъ ударами котораго выковывается сознательная форма военного характера подчиненныхъ. Личный примѣръ всѣмъ понятенъ; онъ не нуждается въ разъясненіяхъ.

Во время войны и боя начальникъ долженъ подавать примѣръ мужества, зная, что въ трудную минуту взоры его подчиненныхъ обращены на него. Въ бою солдатъ очень легко увлекается примѣромъ. Среди массъ это увлеченіе доходитъ даже до заразительности. Подражаніе заставляетъ массы слѣдовать какъ хорошему, такъ и дурному примѣру, и, въ зависимости отъ этого, бой можетъ принять или вполне благопріятный, или же нежелательный ходъ. До тѣхъ поръ, пока младшіе офицеры рвутся впередъ, не найдется солдата, который не послѣдовалъ бы за ними. Въ бою офицеръ долженъ вести своихъ подчиненныхъ; и чѣмъ меньше часть, которою онъ командуетъ, тѣмъ непосредственнѣе воздѣйствіе на нее его личнаго примѣра. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы начальники высшихъ единицъ освобождались отъ этой верховной обязанности — подавать личный примѣръ въ бою: развѣ побѣда не стоитъ жизни одного командира полка или бригады? Священный долгъ каждаго начальника стремиться къ побѣдѣ и, если для достиженія этой конечной цѣли боя необходимъ его личный примѣръ для воодушевленія и устремленія массы впередъ,

даже съ опасностью для его жизни, — онъ долженъ подать такой примѣръ ¹⁸⁾.

Личный примѣръ особенно нуженъ во время боя. Терпѣніе и самообладаніе офицера въ трудностяхъ и лишеніяхъ, мужество, съ которымъ онъ встрѣчаетъ опасность и презираетъ смерть—вотъ высокіе примѣры, которые вызываютъ и у солдата тѣ же терпѣніе, самообладаніе и мужество.

«Пока войска, исполненныя отваги, дерутся легко и охотно, рѣдко приходится напрягать силу воли при преслѣдованіи поставленныхъ себѣ цѣлей. Но когда положеніе становится труднымъ и опаснымъ, дѣло уже не дѣлается само собою, какъ работа хорошо смазанной машины. А между тѣмъ трудностей и опасностей не можетъ избѣжать тотъ, кто стремится къ необычному. Не рѣдко сама машина начинаетъ оказывать *сопротивленіе*; чтобы превозмочь его, требуется необыкновенная сила воли. Не падо

¹⁸⁾ Разбирая одну статью подъ заглавіемъ «Цѣна славы во время первой имперіи (эпоха Наполеона)», помѣщенную въ «La vie contemporaine», генераль Драгомировъ беретъ изъ нея численныя данныя и говоритъ: «Нижеслѣдующія цифры покажутъ какъ то какими жертвами достигаются боевыя цѣли, такъ и то, что если жертвы велики, то это зависитъ отъ стойкости войскъ, а не отъ того или другого оружія. *Покажутъ и то, наконецъ, что начальники самыхъ выстияхъ степеней не должны щадить себя, если хотятъ того же отъ солдатъ.*

Для краткости мы беремъ только потери въ офицерскихъ чинахъ.

Подъ Прейсшицъ Эйлау (1807 г.) французы потеряли: 277 офицеровъ убитыми, 629 ранеными; кромѣ того, 2 дивизионныхъ и 6 бригадныхъ убито; 3 дивизионныхъ и 9 бригадныхъ ранено. Раненъ также маршалъ Ожеро. Какъ и всегда, большая доля потери пришлась на пѣхоту (255 убито, 433 ранено).

Подъ Ваграмомъ (1809 г.) 415 офицеровъ убито, 1241 ранено. Маршалъ Бессьеръ раненъ, Лассаль убитъ, 9 дивизионныхъ ранено, 4 бригадныхъ убито, 23 ранено. Оказывается, что почтенные эти люди умѣли не только посылать, но и сами ходить на смерть; съ такими и за такими солдатъ пойдеть. Въ нѣкоторыхъ полкахъ по 40 офицеровъ вышло изъ строя.

Подъ Бородинымъ (1812 г.) убито: 3 дивизионныхъ, 8 бригадныхъ, 471 офицера; ранено: маршалъ Даву, 11 дивизионныхъ, 23 бригадныхъ, 2165 офицеровъ.

Подъ Лейпцигомъ (1813 года) 537 офицеровъ убито и 1807 ранено. Изъ этого числа на пѣхоту приходится 1371 офицеръ. Кромѣ того, маршалъ Понятовскій утонулъ; между убитыми: 5 дивизионныхъ, 10 бригадныхъ; между ранеными 2 маршала, 11 дивизионныхъ, 20 бригадныхъ.

Съ этими потерями едва ли могутъ сравниться тѣ, которыя понесены были войсками въ недавнихъ бояхъ при усовершенствованномъ оружіи.

Такъ эти дѣла дѣлаются и иначе не могутъ дѣлаться.

А нельзя ли потихоньку, да помаленьку, да какъ нибудь иначе?—Нѣтъ, нельзя.

Приходитъ минута, когда другого выхода нѣтъ: или беззавѣтно жертвовать собою, или идти на позорныя уступки. Опять же и то нужно помнить, что стрѣляютъ обѣ стороны, и стрѣляетъ лучше не тотъ, у кого оружіе лучше, а тотъ, кто обученъ лучше и за свою шкуру боится меньше.

подразумѣвать здѣсь непременно непослушаніе или возраженія (хотя и это бываетъ), но общность тяжелыхъ впечатлѣній, происходящихъ отъ истощенія силъ физическихъ и нравственныхъ и вдобавокъ при ужасающемъ душу видѣ кровавыхъ жертвъ. Военачальникъ обязанъ побороть всѣ эти ощущенія, прежде всего въ себѣ, а затѣмъ и въ своихъ подчиненныхъ, отнюдь не поддаваясь вліянію послѣднихъ. По мѣрѣ того, какъ замираютъ силы въ единицахъ, когда собственная воля двигать ихъ уже не въ состояніи, мало по малу вся эта инертная тяжесть ложится на волю начальника. Но кто же иной, если не онъ, долженъ теперь жаромъ груди своей возжечь новый огонь въ потухшихъ сердцахъ своихъ подчиненныхъ; свѣточемъ души своей долженъ онъ озарить ихъ лучами новой надежды. Насколько это по силамъ полководцу, настолько онъ хозяинъ своего дѣла и властелинъ подчиненной ему массы. Но, если онъ на это неспособенъ, если онъ отвагой своей не оживить упавшей отваги массы, то сама масса потянетъ его въ низкую область животныхъ инстинктовъ, побуждающихъ бѣжать отъ опасности и не сознавать ни стыда, ни позора. Вотъ какія тяжести долженъ сдвинуть военачальникъ, если желаетъ достигнуть въ бою необычайнаго. (Клаузевицъ¹⁹).

Мужество, которое должно быть проявлено начальникомъ въ данномъ случаѣ, выражается въ цѣломъ рядѣ по-

¹⁹ *Клаузевицъ* (1780—1831) знаменитый прусскій военный писатель, еще юнкеромъ въ 14—15 лѣтнемъ возрастѣ участвовалъ въ походахъ 1793—94 г. Клаузевицъ обладалъ необыкновенными способностями: увлеченный жаждою знаній, онъ принялся за свое самообразование. Въ 1801 г. онъ былъ командированъ въ Берлинскую военную академію, гдѣ въ то время профессоромъ былъ знаменитый Шарнгоретъ. Своими дарованіями и усидчивостью онъ быстро обратилъ на себя вниманіе Шарнгорета. Послѣ Прусской войны 1806 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-маюры и подъ руководствомъ Шарнгорета работалъ въ военномъ министерствѣ по важнымъ организаціоннымъ вопросамъ. Въ свободное время онъ занимался философійю, которая не осталась безъ вліянія на него и на его научные труды, а въ особенности на его безсмертное произведеніе «О войнѣ». Въ 1812 г. онъ покинулъ прусскую армію и поступилъ на русскую службу. Въ 1815 г. онъ былъ снова принятъ на прусскую службу, а въ 1818 г. былъ назначенъ начальникомъ Берлинской военной академіи. Какъ писатели, Клаузевица можно назвать философомъ военнаго искусства; никто до него не обнаруживалъ подобнаго глубокомыслія въ изслѣдованіи сущности войны и ея принциповъ, а въ особенности значенія духовныхъ силъ въ военномъ дѣлѣ. Его военно-историческія сочиненія отличаются ясностью и простотой изложенія, вѣрной критической оцѣнкой и мѣткостью характеристикъ лицъ, руководившихъ операціями; въ своихъ сочиненіяхъ онъ стремится на каждомъ шагѣ объяснить, насколько руководящіе мотивы дѣйствій и судьба арміи зависятъ отъ духовныхъ силъ полководца.

ступковъ, которые должны послужить для подчиненныхъ примѣрами и которые должны увлечь ихъ туда, куда хочетъ воля начальника.

Личный примѣръ является для начальника средствомъ для того, чтобы проявить свое умственное и нравственное превосходство и такимъ образомъ заслужить уваженіе, довѣріе, любовь и даже удивленіе своихъ подчиненныхъ.

Все сказанное о личномъ примѣрѣ достаточно выясняетъ, что онъ составляетъ долгъ каждаго начальника, потому что даетъ ему возможность воздѣйствовать на духъ своихъ подчиненныхъ, быстро убѣждать ихъ и увлекать, даетъ ему возможность управлять ими.

Въ заключеніе можно сказать, что, дѣйствуя согласно съ требованіями своихъ обязанностей, начальникъ получаетъ возможность пріобрѣсти неотразимую власть надъ духомъ своихъ подчиненныхъ; эта послѣдняя власть дѣлаетъ его дѣйствительнымъ начальникомъ скорѣе, чѣмъ власть іерархическая; посредствомъ нея онъ можетъ гораздо вѣрнѣе привести въ исполненіе даже самыя страшныя приказанія; вотъ почему достиженіе этой духовной власти должно составлять *главную цѣль* всѣхъ отношеній между начальникомъ и его подчиненными.

Обязанности по отношенію къ отечеству и къ Государственному Вождю.

Обязанности по отношенію къ отечеству. Научный анализъ выясняетъ намъ, что въ понятіе «отечество» входятъ пять главныхъ элементовъ: 1) общность территоріи; 2) общность интересовъ, нравовъ и обычаевъ; 3) общность законовъ; 4) одно и то же историческое прошлое, и 5) общность чувствъ и желаній, которое слѣдуетъ признать наиболѣе важнымъ элементомъ. Къ этимъ пяти элементамъ присоединяются еще два, которые имѣютъ второстепенное значеніе, потому что бываютъ случаи, когда они отсутствуютъ, хотя на лицо общее отечество — таковы: 1) единство языка и 2) племенное родство. Общность чувствъ и желаній составляетъ главнѣйшее основаніе отечества; и дѣйствительно, присоединенныя завоеваніемъ или другимъ способомъ области не составляютъ части государства до тѣхъ поръ, пока не начнутъ раздѣлять желаній и стремленій основныхъ гражданъ государства.